Матвеева (Белова) Наталия Александровна

«Паспорт я еще не получила, а медаль уже была»

В 1941 году я закончила 6-й класс, и 22 июня мы с родителями должны были уехать в г. Ржев в отпуск. Уехать не успели – началась война. Отца призвали в народное ополчение, ему было 44 года. Мы получали за него зарплату от завода.

До гибели отца в январе 1942 года (извещение о пропаже без вести) мы ездили к нему на свидания в Гатчину, а позже – на пр.Обуховской обороны. В последний раз виделись с отцом в октябре. Он рассказывал, что от дивизии осталось около 250 человек. Тяжелые условия были, а он с плохим зрением, с больным сердцем. Медальон-смертничек он не захотел взять с собой, так что его не нашли и не опознали. Погиб он на Невском пятачке.

Письма отца мы с дочерью отдали в государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда в 2004 году. Очень хорошие письма он писал, и стиль был такой старинный, особенный: «Дорогие мои женушка и доченька».

После гибели отца мне пришлось устроиться на работу – нужно было выживать. С трудоустройством помогли соседи. С 6 мая 1942 года по 1 июня 1943 года я работала счетоводом в счетной конторе районного жилищного управления № 14 Приморского района, на набережной реки Карповки. На работу ходила пешком, от Тучкова моста это было около часа. Бывало, идешь, а над тобой – свист снарядов, я все думала – увижу ли снаряд летящий?

Мама тоже устроилась в госпиталь в здании академии им. Можайского. Мы с мамой работали в разных концах города, мы встречались обычно по вечерам возле дома. Один раз во флигель попала бомба. Я иду с работы – а мамы нет у дома. Я пыталась искать ее. Руины дома были огорожены красной лентой, мне кричали: «Куда вы, там трупы!». Но тут мама пришла с работы – она просто задержалась. Я почувствовала такой страх, так жутко было потерять друг друга! После этого мы решили работать вместе. После этого я пошла работать в мамин госпиталь, к патологоанатомам: она в прозекторской работала, я – в лаборатории санитаркой. Возглавлял лабораторию Михаил Константинович Даль. Голод ощущался все время. У нас был шкаф формалиновый, туда сунешь нос, надышишься – и кушать не так хочется после этого.

Когда я поступила в госпиталь, 5 ноября 1943 года мне сообщили, чтобы я пришла за медалью «За оборону Ленинграда». Так что паспорта у меня тогда еще не было, а медаль уже была.

Позже госпиталь перевели на Смоленку, но я туда не поехала, а уволилась и пошла доучиваться. В 1944 году закончила неполную среднюю школу № 50 (семь классов).

За водой ходили к Ждановке. Вспоминаю, как стояла в очереди в булочной, мне уже на стеклянный прилавок положили две порции хлеба, а маленький мальчишка схватил с прилавка – и сразу в рот. Сделать уже было ничего невозможно. Я плакала.

Родственники еще до голодовки приглашали нас к себе, подкармливали. Соседи (семья инженера оборонной промышленности) брали нас с собой в пригородные поля (наверное, в районе п. Стрельна) – там капусту сняли, а капустный лист остался. Мать поехала с наволочкой, но этого было мало, поэтому на следующий

день ездили вдвоем и с наматрасником. Много привезли, сделали хряпу – квашеную капусту. На Петроградке на Дерябкином рынке меняли на дуранду, другие продукты.

Когда были налеты, мы сначала прятались в газоубежище, потом не выходили из квартиры – сил уже не было. Стояли в коридоре внутри подъезда - прятались от осколков, т.к. от бомбы бы не спасло. А еще стояли в подворотне (дом был буквой «п»), смотрели на налеты.

В 1942-43 гг мать почти умирала с голода. Пришли к нам как-то тетя Шура с двоюродной сестрой, принесли каши с землей. Сами-то не стали есть, а моя мама съела все, и тем спаслась, наверное.

Еще была у нас знакомая, она работала в столовой – чистила котлы. А очистки из котлов приносила в литровой банке из-под американской тушенки. Также она предупреждала нас, что на помойку должны сейчас выбросить мерзлую картошку или кости – мы шли подбирать это все.

Дома было холодно и голодно. Мы сожгли все книги, мебель, а весь антиквариат выменяли на еду – зато выжили. А ценные вещи дома имелись, поскольку дед мой - из купцов, у него были собственные доки на Петровском острове.

После окончания блокады мы ходили к Тучкову мосту и Петропавловке смотреть салюты – такие сильные, красивые. Салюты были по случаю взятия городов, снятия блокады, Победы. Мы уши закрывали и рот открывали, чтобы не оглохнуть. Такое было ликование вокруг!